И. О. ГРУНТОВ

ОБЩИЕ НАЧАЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА ЛИЧНОЙ ВИНОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматриваются вопросы, связанные с содержанием правил индивидуализации ответственности в действующем уголовном законе в соответствии с требованием принципа личной виновной ответственности.

Questions connected with the maintenance of rules of an individualization of responsibility in the existing criminal law according to the requirement of a principle of individual guilty responsibility are considered.

В ст. 62 УК Беларуси закреплены общие начала назначения наказания. В соответствии с законом суд должен, во-первых, руководствоваться пределами санкции статьи Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. При этом он должен исходить из принципа индивидуализации наказания, т. е. учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре. Эти положения закона конкретизированы в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь[1].

В процессе индивидуализации наказания среди обстоятельств, которые суд обязан учитывать, первоначально названы характер и степень общественной опасности. В УК не содержится, что следует понимать под характером и степенью общественной опасности. В отечественной юридической литературе раскрываются признаки этих явлений. Так, в учебнике уголовного права БССР (1978) под характером общественной опасности понимается «совокупность признаков, присущих данному виду преступления в целом и свидетельствующих о его большей или меньшей общественной опасности. …С учетом характера преступления бандитизм признается более опасным преступлением, чем разбой, разбой в свою очередь опаснее грабежа». На степень общественной опасности влияют «размеры ущерба (даже в том случае, когда он в какой-то мере учтен в диспозиции статьи…); форма вины (если преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, и это не влияет на квалификацию); степень осуществления преступного намерения (в том числе в пределах одной и той же стадии совершения преступления); характер и степень участия в выполнении преступления, совершенного несколькими лицами (соучастниками)»[2] и др.

В другом учебнике уголовного права Беларуси (2002) при описании этих явлений отмечается, что «характер общественной опасности совершенного преступления, который учитывает суд, – это не индивидуальный признак преступного деяния, а признак, характеризующий все преступления конкретной группы или вида. Он определяется, в первую очередь, значением и важностью объекта посягательства (его ценностью), конструктивными признаками объективной и субъективной сторон преступления. Характер общественной опасности (качественная оценка преступления) зависит от того, отнесено преступление к тяжким или же к иным категориям преступлений, например не представляющим большой общественной опасности (ст. 12 УК), и в какую группу (раздел, главу) оно включено в Особенной части Уголовного кодекса <…> Степень общественной опасности преступления, которую должен учитывать суд, назначая наказание, определяется обстоятельствами содеянного (индивидуальными особенностями конкретного преступного деяния): степенью осуществле-

ния преступного намерения, способом совершения преступления, характером нанесенного вреда, размером причиненного ущерба, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность, другими обстоятельствами, характеризующими способ, обстановку и время совершения преступного деяния»[3]. Очень похожим образом характер общественной опасности определяется в учебных пособиях по уголовному праву Республики Беларусь 2005 г.[4] и 2006 г.[5], а также в комментариях к УК Беларуси 2007 г.[6] и 2010 г.[7]

Нетрудно заметить, что характер общественной опасности в отечественной литературе определяется отнесением преступного посягательства к той или иной главе УК или к группе преступлений определенного вида. При определении степени общественной опасности совершенного преступления исходят из совокупности всех обстоятельств, при которых было совершено конкретное преступное деяние. Такой же подход в понимании этого правового явления имеется во многих российских научных публикациях[8].

Как уже отмечалось, в ст. 3 УК Беларуси закреплены принципы уголовного закона и уголовной ответственности. Среди них назван принцип субъективного вменения. В соответствии со ст. 3 УК уголовный закон и уголовная ответственность должны базироваться на основе этого принципа. Реализация принципа субъективного вменения состоит в том, что не только при конструировании составов преступлений, но и законов, предусматривающих наказуемость либо определяющих положение лица, совершившего преступление, следует учитывать все составляющие содержания вины[9].

В ст. 62 УК Беларуси закреплены правила назначения наказания. Однако в основных началах назначения наказания нет упоминания, что суд обязан при индивидуализации ответственности учитывать вину совершенного посягательства[*]. С этих позиций конструкция ст. 62 УК Беларуси не отражает требование принципа субъективного вменения. В противоположность этому в УК некоторых зарубежных стран прямо предусмотрено, что суд при назначении наказания учитывает вину содеянного.

Так, например, в УК Австрии в ч. 1 параграфа 32 (Общие начала) записано: «Основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего деяние»[10]. В УК Германии в ч. 1 параграфа 46 (Основания назначения наказания) сказано: «Вина правонарушителя является основанием для назначения наказания. Должно учитываться воздействие, которое необходимо ожидать от наказания, на будущую жизнь правонарушителя в обществе»[11]. В УК Швейцарии в ст. 63 записано, что «судья определяет размер наказания соразмерно вине лица; он учитывает побудительные мотивы, предыдущую жизнь и личные отношения обвиняемого»[12]. В УК Польши в ст. 53 (параграф 1) отмечено, что «суд назначает наказание по своему усмотрению в пределах, предусмотренных законом, обращая внимание на то, чтобы его строгость не превышала степени вины, учитывая степень общественной вредности деяния, а также принимая во внимание предупредительные и воспитательные цели, которые могут быть достигнуты в отношении осужденного, и потребности в сфере формирования правового сознания общества»[13] и др.

Такой подход в УК этих зарубежных стран при конструировании общих начал назначения наказания закрепляет положение, при котором вина лица является основанием для назначения наказания. Это справедливо, ибо любое деяние, в отношении которого не установлена вина лица, не является преступлением. Именно это и должно в первую очередь выясняться судом при индивидуализации наказания. Характер общественной опасности как характеристика групповых признаков, присущих данному виду преступления в целом, учтен в санкции конкретной нормы. Суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части УК. Это положение прямо записано в законе. Вновь учитывать это обстоятельство при индивидуализации ответственности не совсем логично. Тем более, как отмечают некоторые авторы, практические работники затрудняются при ответе на вопрос о критериях оценки характера общественной опасности[14].

Такой подход в УК зарубежных стран при конструировании общих начал назначения наказания существует многие годы. Данное решение законодателя доказало его эффективность и жизнеспособность. В связи с этим, по мнению автора, было бы желательно в ст. 62 УК Беларуси внести дополнение в ч. 1 этой статьи и изложить его следующим образом:

«1. Суд назначает наказание с учетом положений Общей части настоящего Кодекса в пределах, установленных статьей Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Назначая наказание в виде общественных работ, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, суд руководствуется пре-

---

[*] В УК БССР в ст. 36 понятие степени вины отсутствовало вовсе. Вместе с тем Верховный Суд СССР при назначении наказания по отдельным уголовным делам обращал внимание на то, чтобы суды, назначая наказание, учитывали степень вины лица, совершившего посягательство. Подробнее см.: Назначение наказания без должного учета степени вины и смягчающих ответственность обстоятельств повлекло изменение приговора // Сб. постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам (1971–1979). М., 1981. С. 190–193.

делами, установленными в ст. 49, 50 и 51 настоящего Кодекса. Основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего преступление. При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает степень вины, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре».

Вместе с тем такое дополнение в УК не исчерпывает полностью решение этого вопроса. Дело в том, что в законе отсутствует определение понятия «степень вины», а в литературе оно понимается по-разному. Вопрос о степени вины ставился давно в научной литературе. Этот вопрос затрагивался еще в дореволюционных работах. Так, например, А. Ф. Кистяковский говорил о трех степенях неосторожности и их различиях[15]. Н. С. Таганцев отмечал, что «вина неосторожная, как и умысел, имеет оттенки, виды, причем и относительно ее существует несколько попыток деления»[16].

Советский ученый Б. С. Утевский полагал, что «при разрешении вопроса о степени вины для суда имеют значение, как и при решении вопроса о вине, различные объективные и субъективные обстоятельства, как, например, наличие или отсутствие вредных последствий от деяния подсудимого… Такое же значение могут иметь и обстоятельства, не зависящие от подсудимого, а также и обстоятельства, относящиеся к личности виновного. Все эти обстоятельства влияют на смягчение или усиление его вины»[17].

Другой ученый А. А. Пионтковский указывал, что «степень вины лица определяется конкретным содержанием умысла или неосторожности, нашедших свое выражение в совершенном лицом общественно опасном деянии. Степень вины лица зависит и от форм вины, от формы субъективной стороны состава преступления. Преступление, совершенное умышленно, всегда более общественно опасно, чем такое же деяние, совершенное по неосторожности. При умышленном преступлении психические способности лица, его сознание и воля неизмеримо более активно участвуют в достижении преступного результата. Характер субъективной стороны совершенного преступления оказывает определяющее влияние на меру общественной опасности преступного деяния и степень вины лица, его совершившего»[18].

В более поздний период П. С. Дагель, говоря об этом явлении, отмечал, что «при определении степени вины следует избегать двух ошибок. С одной стороны, ошибочно включение в характеристику степени вины всех объективных обстоятельств преступления и обстоятельств, характеризующих личность преступника, что неоправданно расширяет понятие степени вины, а следовательно, и само понятие вины. Это игнорирует различие объективного и субъективного в преступлении. Неточно поэтому определение степени вины как степени общественной опасности преступления – те или иные обстоятельства, влияющие на общественную опасность преступления, могут и не охватываться виной. С другой стороны, ошибочным является взгляд, согласно которому объективные обстоятельства преступления на степень вины не влияют. Этот взгляд основан на недооценке того факта, что нет бессодержательных психических процессов, что содержание вины определяется и объективными обстоятельствами преступления, которые охватывались или должны были и могли охватываться сознанием лица. Поэтому тяжесть наступивших последствий, опасность способа преступления и другие объективные обстоятельства влияют на степень вины, поскольку они отражаются в ее содержании. В то же время никакие объективные обстоятельства, не отразившиеся в содержании вины, на ее степень не влияют[19].

Этот вопрос представляет интерес и в настоящее время. Он исследовался в ряде российских научных работ. Так С. В. Скляров предложил внести дополнение в УК РФ и рассматривал степень вины как «величину вины, определяемую судом с учетом обстоятельств совершения преступления, по сравнению с виной в причинении вреда тем же правам и интересам, охраняемым настоящим Кодексом, но при иных обстоятельствах, выражающихся в выборе конкретного вида и размера наказания. При определении степени вины учитываются отношения лица к последствиям своих действий (бездействия), мотивы преступного поведения, обстоятельства, уменьшающие или увеличивающие вину»[20]. Об этом правовом явлении говорили и другие ученые[21].

В белорусской научной литературе и судебной практике сложился подход, в соответствии с которым вина понимается в психологическом, юридическом и социально-психологическом аспектах. Связь вины и ее степени безусловна. С этих позиций наиболее удачно описывает данное явление российский ученый А. И. Рарог. Исследователь справедливо отмечает, что «степень вины – это оценочная категория, содержащая психологическую и социальную характеристику вины с ее количественной стороны и выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям»[22].

«В умышленном преступлении виновный, сознательно посягая на социальные ценности, определенно проявляет свое отрицательное к ним отношение, а при неосторожном преступлении такая определенность отсутствует. Следовательно, ценностные ориентации при умысле более деформированы, чем при неосторожности… Помимо форм и видов вины на ее степень влияют особенности содержания интеллектуального и волевого процессов, происходящих в психике виновного. Объем

и определенность сознания, характер предвидения, преднамеренность, настойчивость в достижении цели могут существенно повлиять на степень вины при умысле. Степень легкомыслия в оценке обстановки, характер обязанности предвидеть и причины непредвидения последствий могут повысить или снизить степень неосторожной вины»[23].

А. И. Рарог отмечает, что «влияние мотива и цели на степень вины обусловлено характером их взаимосвязи с интеллектуальной и волевой стороной психики человека. Цель и мотив определяют постановку конкретных задач реальной деятельности, выбор средств и способов их разрешения. Они порождают идеальную модель преступного деяния, являясь, таким образом, фундаментом, на котором возникает реальное психическое отношение лица к деянию… Особенности объекта и объективной стороны, а иногда и особые свойства предмета посягательства оказывают влияние на степень вины через содержание умысла или неосторожности. К примеру, сознание общественной опасности конкретного преступления предполагает, что виновный предвидит не абстрактный вред от своего деяния, а вполне определенный в каждом конкретном случае: малозначительный, существенный, значительный, тяжкий или особо тяжкий. Поэтому сознание большей или меньшей тяжести причиненного вреда означает большую или меньшую степень отрицательного отношения к основным социальным ценностям. То же самое относится и к другим характеристикам преступного деяния»[24].

Суммируя сказанное, можно попытаться решить вопрос о границах данного явления. В любом определении должна быть указана природа определяемого, его качественные признаки, отличие от сходных явлений. В связи с этим, по мнению автора, в ст. 4 УК Беларуси (Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса) может быть внесен дополнительно п. 16 следующего содержания: «Под степенью вины понимается количественная характеристика социальной сущности вины, которая отражает различную деформацию социальной ориентации лица, совершившего преступления. Степень вины определяется в зависимости от формы вины и ее вида, от объема и определенности сознания совершаемого деяния, характера предвидения последствий, от содержания волевого отношения к тому, что осознавалось и предвиделось лицом, от обязанности их предвидеть или причин их непредвидения, от мотива и цели, выбора способов и средств их достижения и других обстоятельств содеянного, которые влияют на глубину отрицательного, пренебрежительного или недостаточно бережного отношения лица к ценностям, охраняемым уголовно-правовой нормой, и отражают различную деформацию социальной ориентации лица, совершившего посягательство».

[1] См.: О назначении судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2002 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. 6/320; О назначении судами наказания в виде лишения свободы: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 25 марта 2009 г., № 1 // Там же. 2009. № 84. 6/726; О применении судами мер уголовной ответственности, предусмотренных ст. 77–79 УК: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 30 сент. 2010 г., № 9 // Там же. 2010. № 248. 6/921.

[2] Уголовное право БССР. Часть общая / И. И. Горелик и др. Минск, 1978. С. 210–211.

[3] Уголовное право. Общая часть: Учеб. / Н. А. Бабий и др. Минск, 2002. С. 329.

[4] См.: Уголовное право. Общая часть: Учеб. пособие / Э. А. Саркисова. Минск, 2005. С. 412.

[5] См.: Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Учеб. пособие / Н. А. Бабий. Минск, 2006. С. 220.

[6] См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка и др. Минск, 2007. С. 149.

[7] См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка и др. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010. С. 166.

[8] См.: Курс советского уголовного права. Часть общая: В 6 т. М., 1970. Т. 2. С. 325; Т. 3. С 125–126; Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 69; Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. С. 52–53.

[9] См.: Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности, адресованной законодателю, реализуется, только если при описании признаков состава преступления учитываются социальный и психологический элементы содержания вины // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: Материалы V Рос. конгресса уголовного права, Москва, 27–28 мая 2010 г. М., 2010. С. 287–291.

[10] Уголовный кодекс Австрии: Пер. с нем. М., 2001.

[11] Уголовный кодекс ФРГ: Пер. с нем. М., 2001.

[12] Уголовный кодекс Швейцарии: Пер. с нем. М., 2001.

[13] Уголовный кодекс Республики Польша / Пер. с польск. Д. А. Барилович и др. Минск, 1998.

[14] См.: Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. С. 50–51.

[15] См.: Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права. С подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1882. С. 365.

[16] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 150.

[17] Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 74.

[18] Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 400–401.

[19] См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 71.

[20] Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 224.

[21] См.: Питецкий В. К вопросу о степени вины в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 3. С. 41–45.

[22] Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 77–78.

[23] Рарог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991. С. 17–18.

[24] Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. С. 25.

Поступила в редакцию 19.04.12.

Игорь Олегович Грунтов – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права.